

*Отрывки из писем Элизы Лукас-Пинкни
использованы автором с любезного разрешения
Исторического общества Южной Каролины.*

Посвящается Брайони

**Нам принадлежит лишь настоящее... и время
это столь быстротечно, что и не скажешь, суще-
ствуем ли мы.**

Элиза Лукас (1722–1793)

Пролог

Когда я устремляю мысленный взор назад, к своим битвам за индиго, они превращаются в моем сознании в сновидения. Память не сохранила ничего, кроме мимолетных впечатлений. Там лишь образ рук, тянувших меня в пучину, давивших на грудь, на сердце, не дававших всплыть. Образ рук, норотивших утопить меня в собственном творении, в моих честолюбивых замыслах.

И я тонула.

Погружалась в непроницаемо синюю бездну.

Индиго разбило мне сердце, но спасло жизнь.

Индиго текло по моим венам.

Синяя кровь пульсировала в моих детских сосудах.

Позднее, в зрелые годы, познав глубокую неизбывную любовь и гордость за рождение сыновей, которым суждено было стать создателями нового государства, я думала о тех временах своей жизни и благодарила Господа за индиго.

Как так случилось, что глубочайший синий цвет — цвет неба в предрассветные часы, когда день еще не упал тяжелым душным покровом на наши плечи; цвет, наводящий меня на мысли о куполе небесном и о тончайшем шелке, о королях и баснословных сокровищах, о непостижимой, загадочной древности, — как может этот цвет быть порождением несуразного запыленного кустика?

Наташа Бойд

Помимо того, я не устану благодарить Господа за Эсси и Квоша, за Того и Сони. И особенно за Бена. За тех, кто в меня верил.

И за Чарльза, конечно же. Я всегда буду благодарна за Чарльза.

Еще я остаюсь признательна своему отцу за его выбор — за то, что он решился поручить шестнадцатилетней дочери управление семейными плантациями. С тех пор мы с ним так и не свиделись.

Моему дорогому другу миссис Бодикотт, в Англию

Альцу себя надеждой, Вам приятно будет узнать, что мне приглянулся сей отдаленный уголок мира, куда привела меня судьба. С Англией ему не сравниться в моих глазах, воистину так, однако же Каролина куда предпочтительнее Вест-Индии.

Люди здесь благовоспитанные, и жизнь устроена во многом на английский манер.

Элиза Лукас

1739 год

Негры пели.

Отблески света плясали на чернильно-черных волнах океана, и я быстро заморгала, проснувшись.

Не было никакого океана.

Только бледно-синее сияние нарождавшегося дня растеклось по беленым стенам моей спальни.

Сон никак меня не отпускал. Все тот же, что снился мне с самого раннего детства. Порой он наводил страх, порой вызывал эйфорию.

Я вдохнула полной грудью воздух рассвета и подумала, что день, возможно, станет судьбоносным.

В пении отчетливо различался хоть и приглушенный расстоянием, но сильный голос Того — голос, глубина которого так не вязалась с невеликим ростом его обладателя. За несколько месяцев нашей жизни в Южной Каролине я успела заметить, что голоса других негров сплетаются в мелодии вокруг этого полнозвучного тенора, задающего тон. И еще я знала, что, если они поют, значит трудятся сообща над каким-то серьезным делом.

Урожай поспел. Негры пели, потому что приступили к сбору урожая.

Мне совсем не хотелось вставать навстречу душному влажному утру. Эта влажная духота с каждым днем становилась все

гуще, вытягивала из меня все силы еще до того, как я успевала управиться с делами. Но я все же выпростала ноги из-под тонкого смятого одеяла и водрузила их поверх.

Эсмэ уже наполнила водой тазик и кувшин. Я сладко потянулась, освобождаясь от последних темных вязких лоскутьев сна, и теперь в душе осталось лишь смутное чувство ликования, будто порожденное неким неведомым свершением.

Я поплескалась немного в прохладной воде, освежившей бледную кожу — кисти, обветренные на свежем воздухе, у меня были чуть темнее, — и потянулась к маленькому оловянному колокольчику. Легкого позвякивания, такого тихого, чтобы не потревожить мою чувствительную маменьку или малышку Полли, было достаточно — Эсмэ явилась немедленно, как темный призрак, ибо обладала зрением и слухом, острыми, как у совы. Она проскользнула в спальню, неслышно ступая обернутыми тряпками ступнями по дощатому полу. Она была в простом холстяном платье; голову покрывал туго намотанный белый муслиновый платок.

— С добрым утром, Эсси. Я слышала пение. Сбор урожая начался? Давай-ка не будем мешкать.

— Да. Но большой Лукас хочет говорить с тобой.

Я нахмурилась. Отец никогда за мной не посылал — после прогулки по плантации я сама приходила в его рабочий кабинет каждое утро, чтобы помочь с корреспонденцией. Он надиктовывал ответы на деловые послания, меряя шагами кабинет — должно быть, это помогало ему подобрать правильные слова, когда суть вопроса требовала деликатной трактовки, — а я записывала. После этого мы отправлялись на обход наших небольших владений, и я обращала его внимание на все, что сумела заметить во время своей «инспекции» на заре. Порой мне выпадала оказия навеститься вместе с папенькой и кучером нашим, Квошем, на другие два земельных участка — потолковать с приказчиками.

Эсмэ расплела мои вьющиеся волосы, расправила, встряхнула и прошлась по ним изящным костяным гребнем, а потом снова заплела в косу и уложила ее на затылке, закрепив шпиль-

ками. Она умела управляться так, чтобы не тратить на мой ту-а-лет времени больше, чем я сама считала нужным, — к досаде матушки, которая была убеждена, что я слишком мало внимания уделяю своему внешнему виду. Эсмэ — сокращенно Эсси, — приставленная ко мне с моих детских лет на Антигуа, знала, что я, в отличие от матушки, равнодушна к нарядам и не готова вертеться подолгу перед зеркалом. Впрочем, моя совсем еще девичья фигурка и не требовала слишком много ухищрений для сокрытия или же подчеркивания форм.

Эсси и две другие негритянки, Мэри-Энн и Нэнни, отвечавшие за порядок в господском доме еще до того, как мы поселились в нем, переехав на материк, — обеспечивали спокойное и уютное течение жизни в поместье. Это представлялось тем более важным, что маменька была не в состоянии полноценно выполнять обязанности хозяйки, а меня слишком занимали папенькины повседневные деловые заботы, в которые я увлеченно совала нос. Управление плантацией казалось мне захватывающим делом, к тому же тут нашлось применение моим познаниям в ботанике и садоводстве, приобретенным еще в детстве на Антигуа, — они оказывались весьма кстати всякий раз, когда речь заходила о выращивании зерновых культур.

Я торопливо полила рассаду на подоконнике — росточки вечнозеленых дубов, подарок от нашего ближайшего соседа, ботаника-любителя мистера Дево, — а затем поспешила на первый этаж.

— Элиза! — грянул голос моего отца, когда я подходила к открытой двери его кабинета.

Отец расхаживал перед простым походным столом — всегда его предпочитал полированному бюро красного дерева, которое мы приобрели, высадившись в Чарльз-Тауне*. Он был полностью одет для прогулки. Каштановые волосы, седе-

* Чарльз-Таун — изначальное название современного города Чарлстона в американском штате Южная Каролина; основан англичанами в 1670 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

ющие на висках, были навощены, но растрепались; над бровями пролегла незнакомая мне тревожная складка.

— Папенька... — начала я и быстро поправилась: — Полковник... сэ́р.

Недавно я немало его позабавила, объявив, что уже слишком взрослая, чтобы обращаться к нему так же, как моя младшая сестрица Полли. Однако почин мой, судя по всему, он одобрил. Его манера общаться со мной действительно немного изменилась, сделалась более похожей на компанейскую, даже дружескую, чем на ту, что свойственна главам семейств по отношению к своим отпрыскам. И я дорожила этим новым проявлением уважения с его стороны, не позволяя себе переходить границы. Отец был честным человеком и старался держать обещания, а потому мы, дети, рано уяснили, что ни при каких обстоятельствах не стоит испытывать его терпение.

— Вы уже позавтракали? — спросила я.

Он рассеянно кивнул:

— Да-да... Вчера по пути в город я встретил нарочного, скакавшего к нам. Он вручил мне повестку.

Я слотнула:

— Повестку?

— Я должен вернуться на Антигуа.

— Неужто пора?

— Боюсь, что так. К концу месяца мне надо быть там. Я надеялся провести здесь побольше времени, пока вы не обустроитесь на новом месте и пока не станет ясно, что твоя матушка идет на поправку. Однако теперь я опасаясь, как бы ей не стало хуже.

Я закусила губу. В действительности морские ветра грозили усугубить маменькины мигрени и уныние. В этом отношении мы с ней были полными противоположностями. Я всегда недоумевала, отчего это мой деятельный, бурлящий жизнью отец счел разумным заключить брак с такой особой. Впрочем, нельзя не признать, что она была красавицей, но папенька ведь ценил в людях иные качества — он сам не раз мне в том признавался, и не без пылкости, особенно перед тем, как

они с маменькой отправили меня учиться в Англию. Тогда я провела некоторое время в разлуке с ними, и единственными моими близкими людьми были наши друзья Бодикотты in loco parentis*. Мои младшие братья Джордж и Томми жили с ними с тех пор, как настала пора отдать их в школу.

— И что же будет с местными плантациями, когда мы вернемся на Антигуа? — спросила я. — Вы доверите вести дела приказчикам?

Папенька развернулся, чтобы взглянуть на меня. Одной рукой он потирал подбородок, другой рассеянно поигрывал завязками на воротничке и несколько мгновений смотрел на меня так пристально, будто я была тайной обладательницей ответа на некую загадку мироздания. Затем он протяжно вздохнул и развел руками:

— Своим вопросом, Элиза, ты только что помогла мне принять чрезвычайно важное решение.

Ему не потребовалось объяснять мне, что в решении этом он рассчитывал утвердиться окончательно и бесповоротно еще до того, как матушка встанет с постели.

Мысль о том, чтобы вернуться на остров Антигуа, тонущий в изумрудной листве, окруженный прозрачно-голубым морем, и освежить воспоминания о моем друге детства, чернокожем Бенуа, мне вовсе не претила. Познания Бена о растениях разожгли во мне страсть к ботанике. Я скучала по нему, мне часто его не хватало, пока я обвыкалась с жизнью на новой плантации и тщила узнать получше неведомые земли.

В этом смысле возвращение на Антигуа или даже в Англию было довольно заманчивым, а вот свадьба с каким-нибудь добропорядочным молодым лейтенантом из старинного британского рода во исполнение ожиданий со стороны общества меня отнюдь не прельщала. Но именно такая судьба и была мне уготована по приезде на упомянутые территории.

* Заменявшие родителей (*лат.*). Юридический термин, обозначающий лиц, которые выполняют по доверенности определенные обязанности родителей по отношению к чужим детям.

Я внимательно взгляделась в отцовские глаза, а затем обратила внимание на его одежду и на беспорядок, царивший на рабочем столе.

— Неужто вы не спали всю ночь, сэр?

— Не было времени. — Он торопливо шагнул к выходу. — Идем, Бетси... — Закашлялся и поправился, качнув головой: — Элиза. — Отец знал, что мне не терпится избавиться от детского уменьшительного имени. — Идем, тебе нужно позавтракать, а потом нам предстоит съездить на плантации Гарден-Хилл и Уаккамо, потолковать с приказчиками.

— Стало бытъ, я еду с вами? — Негоже было проявлять ликование по поводу того, что меня допустили до «мужских дел», поэтому я постаралась говорить сдержанно.

Далее я последовала за отцом в обеденный зал, где выбрала себе на завтрак из расставленных на буфете блюд вареное яйцо и немного холодной копченой рыбы.

Отец отодвинул для меня стул и сам уселся во главе стола.

— Скажи-ка, Элиза, тебе ведь здесь нравится? Мы, конечно, надеялись, что климат в колониях на континенте будет более умеренным, чем на островах, и благоприятным для твоей матери. Что ж, увь... — Он грустно улыбнулся. — Не слишком-то здешняя погода ей помогла.

— А мне здесь очень нравится, — ответила я надлежащим образом, гадая, что же еще он собирается мне сказать, и добавила на всякий случай: — Люди в городе весьма приятные.

На самом деле больше всего удовольствия мне приносили прогулки с папенькой по нашим землям и его размышления вслух о плантации, о том, какой она может стать в будущем. Медленно, но верно новый мир с его напоенными влагой призрачными мхами и солоноватыми топиями, где под гладью стоячих вод таились небывалые чудища, наблюдавшие за нами, проникал в мои сны, и его таинственный, сверхъестественный дух просачивался в мое сердце.

На островах Вест-Индии наши владения были невелики и почти полностью засажены сахарным тростником — каж-

дый клочок земли там служил насущным нуждам. Здесь же, в континентальных колониях, я, как и папенька, видела куда больше возможностей. Местная земля хорошо плодоносила, и я уже представляла себе, как буду выращивать на ней все, что заблагорассудится — дыни, апельсины, маниоку, кунжут...

Плодородные наделы на берегах залива Уаппу-Крик, всего в шести милях по воде от Чарльз-Тауна на полуострове, папенька унаследовал от своего отца. К собственности прилагались небольшая группа рабов и не такая уж малая задача осиять фамильное имя не только воинской славой, которую мог снискать папенька на королевской службе. «Эту оказию никак нельзя было упустить», — любил он повторять. Мой отец также незамедлительно приобрел еще два крупных участка подалее от залива, где уже было налажено производство древесины и риса на экспорт.

— Элиза, чтобы обеспечить себе продвижение по службе, мне пришлось заложить земли на Антигуа и частично здесь, в Каролине. У меня нет ни малейшего желания возвращаться на остров, но угроза со стороны Испании всё крепнет, а пребывая здесь, военной карьеры мне не сделать.

Я торопливо проглотила кусок бледного желтка, лихорадочно обдумывая то, что сказал отец. Мы знали, что Вест-Индия стратегически важна в противостоянии с Испанией, но раньше мне не приходило в голову, что отец мог обременить еще большими долгами наши владения ради своего высокого положения в армии. И хотя я была уверена — он знает, что делает, тем не менее меня охватила паника.

— Сейчас важнее, чем когда-либо, чтобы эта земля начала приносить доход. — Его голос сделался тихим, доверительным. Он делился со мной секретами, для которых я была еще слишком мала. — Мы переехали сюда отнюдь не только ради поправки здоровья твоей матушки, хотя, я полагаю, нас обоих порадовал бы такой... побочный бенефит.

Я едва не подавилась яйцом, вытерла проступившие на глазах слезы и глотнула чаю, чтобы прочистить горло.

— Ты побудила меня задаться вопросом, доверяю ли я своим приказчикам, — продолжал отец. — Ответ — да, разумеется. Однако если тебя интересует, могу ли я положиться на них в деле извещения о каждом решении касательно наших земель, посевов и урожаев, тогда ответ — определенно нет. Ибо у нас с ними разные цели. Цель приказчика — быть хорошим наемным работником. Каждый из них надеется, — он усмехнулся, — честно отработать свое жалованье. Но для меня, для твоего отца, конечная цель заключается в том, чтобы обеспечить процветание будущим поколениям нашего рода и способствовать обогащению королевской казны. Мы строим здесь новый мир, Элиза. Нам выпала удивительная и неповторимая возможность стать одними из первых, кто совершит в Каролине нечто поистине великое.

Меня невероятно вдохновляла его пылкая решимость посвятить себя служению королю, отечеству и далеким потомкам, но ему надо было еще позаботиться о благополучии моих братьев и Полли.

— Однако, сэр...

— Позволь мне закончить, Элиза. Знаю, это сложно понять, ведь тебе еще нет и семнадцати, но я тщусь объяснить тебе, как важно стремиться к чему-то большему, нежели личное благо. Надобно трудиться ради более высокой цели — будь то служение Господу, родине или же людям.

— Да, отец.

— Тебе уже приходилось брать на себя заботы о домашнем хозяйстве, подменяя твою матушку. Я позаботился о том, чтобы ты приобрела в учении определенные знания и навыки, ибо предвидел, что обстоятельства могут сложиться особым образом. И теперь это произошло.

По моей спине пробежал бодрящий холодок.

— Через несколько лет, — продолжал отец, — твой брат Джордж будет достаточно взрослым, он сможет вернуться из Англии и взять на себя управление делами здесь. Пока же, в его отсутствие, Элиза, мне нужно, чтобы ты замещала меня во всех вопросах, касающихся этих земельных владений. Ты

останешься в Южной Каролине с матерью и Полли и возьмешь на себя все мои дела.

У меня перехватило дыхание. На этот раз скрыть, как ошеломили меня его слова, не удалось. Я застыла, словно проглотила кол; моя рука замерла на полпути к чашке.

А отец всё говорил:

— Ты и так уже занимаешься моей корреспонденцией. Нынешние перемены будут означать лишь то, что некоторые решения придется откладывать на более долгий срок, поскольку сообщение между нами займет время — тебе надобно будет отправить мне письмо и дожидаться ответа. Я, разумеется, понимаю, что по некоторым делам решения потребуются безотлагательные — в таких случаях ты сможешь посоветоваться с двумя приказчиками, к тому же я попрошу наших добрых друзей Чарльза Пинкни и его супругу приглядывать за тобой и тоже помогать советом, коли возникнет нужда.

«Стало быть, это я буду управлять его плантациями?» — мелькнуло у меня в голове, а губы не сразу выговорили:

— Сэр... — На том я и замолчала, не сумев более ничего добавить.

Отец вскинул бровь:

— И что же? У тебя найдется что сказать так, чтобы получилось законченное предложение?

На мгновение я почувствовала, что вот-вот упаду под грузом ответственности, возложенной на мои плечи отцом — теперь именно от меня зависело, обеспечат ли земельные владения благосостояние нашей семье, а мне — приданое к свадьбе, о которой я, что ни для кого не было секретом, отнюдь не мечтала, или же повергнут всех нас в нищету. Только от меня. Я не знала, надолго ли покинет нас отец.

В Англии мысль о том, что он может поручить шестнадцатилетней дочери управление огромным поместьем, кому угодно показалась бы абсурдной. Кто же станет подчиняться моим распоряжениям? Честно скажу, даже когда я мысленно попыталась сочинить письмо для моей дорогой подруги и в прошлом попечительницы, миссис Бодикотт, с рассказом

о неожиданном повороте событий, мне и самой вдруг почудилось, будто это не что иное, как сушая нелепица, плод моих собственных фантазий, воплощение желания стать значимым человеком, а не просто «движимым имуществом», которое всецело принадлежит сейчас отцу, а впоследствии будет принадлежать мужу. Но мы были не в Англии. И что-то в этих краях, где мы обустроились и обжились, среди людей, которые пытались создать новый мир из того, что было им даровано самой землей, подсказывало мне: нет ничего невозможного. Быть может, дело было в моем раннем созревании, а может, в склонности к честолюбивым мечтаниям и в стремлении впечатлеть отца знаниями, которые по его воле я усвоила в школе, но так или иначе я почувствовала решимость и, убрав руку со стола, подсунула ладонь под бедро, чтобы унять в ней дрожь.

— Ну-с? — снова поторопил меня отец.

Я вскинула подбородок:

— Вы дали мне образование, и я сумею распорядиться этим даром наилучшим образом. Только вот...

— Что же?

— Только вот мы будем по вам скучать.

Вот и все, что мне удалось тогда вымолвить.

Моему дорогому другу, миссис Бодикотт

Папенька и маменька благосклонно предложили мне выбрать место нашего пребывания — в городе или в поместном особняке. Я полагаю, что разумнее, а в равной степени и приятнее для маменьки и для меня самой жить в отсутствие папеньки за городом. Мы в семнадцати милях по суше и в шести по воде от Чарльз-Тауна, и в соседях у нас шесть милейших семейств, с коими мы пребываем в полнейшем взаимном согласии.

Элиза Лукас

Не верилось, что всего несколько дней назад папенька сообщил мне о своем решении. Все случилось так быстро... Мы незамедлительно отправились на нашу плантацию Гарден-Хилл, находившуюся выше по течению Комби-Ривер. Отправились вместе с Квошем — кучером, лодочником, плотником и папиным «своим человеком из местных».

Мы отплыли на юг по Санти-Ривер, преодолели коварные проливы Порт-Рояля и Святой Елены, а дальше наш путь лежал по Комби. Постепенно внешние отмели пропадали из виду; воды реки, по мере продвижения в глубь континента, становились темнее и безмятежнее, отблескивали маслянисто, а деревья теснее обступали берега.

Со дня приезда в Южную Каролину мне не часто приходилось путешествовать по воде, но всякий раз плавание меня ужасно нервировало. Качание лодки вызывало тошноту, океанские проливы кишели акулами, под речной гладью таились крокодилы, и к тому часу, как мы добрались до места назначения, я была измучена донельзя. У мистера Мурри, нашего приказчика в Гарден-Хилл, мы поинтересовались, сколько в этом году он рассчитывает произвести на продажу риса и других ходовых товаров.

Отец при том ни слова не сказал мистеру Мурри и его жене о своем скором отъезде, лишь обмолвился, что, дескать,